

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
(кафедра «Математических методов в экономике»)

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(кафедра «Стратегический и антикризисный менеджмент»)

Управление эффективностью И результативностью

*Материалы постоянно действующего
научного семинара*

Выпуск № 12

16 апреля 2013 года

Содержание

<i>Материалы семинара</i>	5
<i>Тема семинара</i>	
Где взять ресурсы для развития. Проблемы взаимодействия реального и финансового секторов экономики.	5
<i>Ищем деньги</i>	
(введение)	6
<i>Доклад</i>	
Анатолий АКСАКОВ Где взять ресурсы для развития. Проблемы взаимодействия реального и финансового секторов экономики.	8
<i>Дискуссия</i>	20

Материалы семинара

Организаторы открытого семинара

«Управление эффективностью и результативностью»:

- Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (кафедра «Математических методов в экономике»)
- Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (кафедра «Стратегический и антикризисный менеджмент»)
- Научно-практический журнал «Эффективное антикризисное управление»

Руководители семинара:

- д. э. н., профессор, заведующий кафедрой «Математические методы в экономике» РЭУ им. Г.В. Плеханова Василий ЗУБАКИН
- д. э. н., профессор кафедры «Стратегический и антикризисный менеджмент» Финансового университета, главный редактор журнала «Эффективное антикризисное управление» Аркадий ТРАЧУК

Двенадцатое по счету и второе в этом году заседание семинара «Управление эффективностью и результативностью» состоялось в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации **16 апреля 2013 года.**

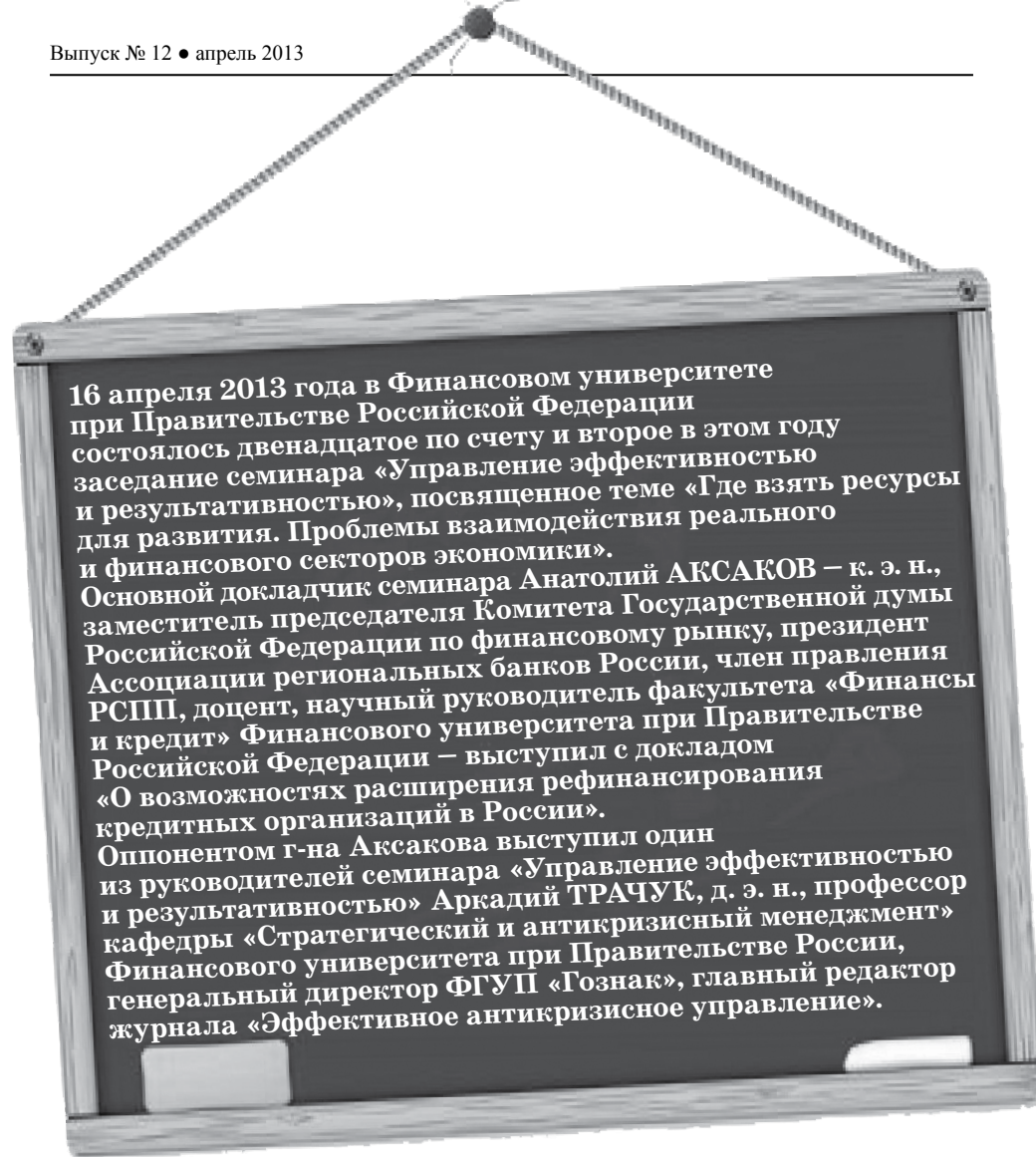
Тема семинара

Где взять ресурсы для развития.

Проблемы взаимодействия реального и финансового секторов экономики.

Основной доклад на семинаре представил Анатолий АКСАКОВ – к. э. н., заместитель председателя Комитета Государственной думы Российской Федерации по финансовому рынку, президент Ассоциации региональных банков России, член правления РСПП, доцент, научный руководитель факультета «Финансы и кредит» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Оппонентом выступил Аркадий ТРАЧУК, д. э. н., профессор кафедры «Стратегический и антикризисный менеджмент» Финансового университета при Правительстве России, генеральный директор ФГУП «Гознак», главный редактор журнала «Эффективное антикризисное управление».

Ищем деньги

Участники очередного семинара «Управление эффективностью и результативностью» обсудили проблемы поиска ресурсов для развития российской экономики.

Напомним, что организаторами открытого семинара «Управление эффективностью и результативностью» являются Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (кафедра математических методов в экономике) совместно с Финансовым университетом при Правительстве Российской Федерации (кафедра «Стратегический и антикризисный менеджмент»), при информационной поддержке научно-практического журнала «Эффективное антикризисное управление».

Первый семинар «Управление эффективностью и результативностью» состоялся в январе 2011 года. Практика показала, что вопросы, поднимаемые на семинаре, чрезвычайно актуальны для нашей страны, а тот факт, что с докладами на семинаре выступают академики и доктора наук, свидетельствует о его значимости. Послушать доклады, высказать свое мнение, задать вопросы приходят студенты и аспиранты, ученые и руководители компаний.

Идея организации семинара принадлежит д. э. н., профессору кафедры «Математические методы в экономике» РЭУ им. Г. В. Плеханова Василию Зубакину и д. э. н., профессору кафедры «Стратегический и антикризисный менеджмент» Финансового университета, главному редактору журнала «Эффективное антикризисное управление» Аркадию Трачуку.

Интерес к семинару «Управление эффективностью и результативностью» растет от заседания к заседанию. Формат семинара позволяет максимально широко и полно обсуждать теоретические и практические аспекты обеспечения результативности и повышения эффективности деятельности российских компаний. Современные решения тех или иных актуальных задач на пути обеспечения эффективности рождаются в выступлениях докладчиков и оппонентов, в высказываниях участников семинара и в их дискуссиях, позволяя объединить научные и практические знания. На каждом семинаре участникам представляется один научный доклад и выступление оппонента. Затем проводится дискуссия, где может высказаться любой желающий.

Темы, обсуждаемые на семинарах

1. Экономическая результативность и эффективность отраслей (компаний). Методы оценки и контроля	7. Экономика R&D
2. Влияние инноваций на производительность труда	8. Реальные инвестиции и неопределенность
3. Эффективность и структурные проблемы российских компаний	9. Управление рисками и результативность деятельности в нефинансовом секторе
4. Эффективность инноваций (инвестиций) с учетом задач ресурсосбережения	10. Оценка рисков для управления непрерывностью деятельности (концепция «Business continuity management»)
5. Оценка эффективности технологического развития	11. Управление рисками для обеспечения эффективной модернизации деятельности (инфраструктуры)
6. Конкуренция, техническое регулирование и инновации	

Анатолий АКСАКОВ, депутат Госдумы РФ шестого созыва, заместитель председателя Комитета Госдумы по финансовому рынку, президент Ассоциации региональных банков России, член правления РСРП, член президиума партии «Справедливая Россия», к. э. н., доцент, научный руководитель факультета «Финансы и кредит» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Где взять ресурсы для развития.

Проблемы взаимодействия реального и финансового секторов экономики

Аркадий ТРАЧУК, д. э. н., профессор кафедры «Стратегический и антикризисный менеджмент» Финансового университета при Правительстве РФ, главный редактор журнала «Эффективное антикризисное управление»

– Уважаемые коллеги, сегодня Анатолий Геннадьевич Аксаков находится на территории Финансового университета не только в качестве депутата Государственной думы, заместителя председателя Комитета Государственной думы по финансовым рынкам, но и научного руководителя кредитно-экономического факультета. И он любезно согласился принять участие в очередном, двенадцатом по счету, заседании нашего семинара. Тему, которую мы с вами будем обсуждать, можно было бы обозначить так: «Где взять ресурсы для развития. Проблемы взаимодействия реального и финансового секторов экономики». А учитывая понимание и опыт работы Анатолия Геннадьевича именно в финансовом секторе экономики в последние годы, то в своем докладе он расскажет о возможностях расширения рефинансирования кредитных организаций в России. Тема сейчас более чем актуальная. При недавнем обсуждении кандидатуры Эльвиры Набиуллиной в качестве будущего председателя Банка России одним из главных вопросов прозвучал вопрос о том дисбалансе, который существует в представлении абсолютного большинства людей между инфляцией, ставкой рефинансирования Центрального банка и ставками, по которым организация может получить кредит в коммерческом банке. Зачастую это обусловлено экономической неграмотностью людей, которые слышат эти цифры и до конца не понимают их сути. А с другой стороны, объяснить человеку, почему процентные ставки таковы и как при таких процентных ставках может развиваться экономика, – задача не из простых. Может быть, Анатолий Геннадьевич знает какие-то секретные ответы на эти вопросы и с нами поделится, а мы их обсудим. И я с удовольствием предоставляю ему слово.

О возможностях расширения рефинансирования кредитных организаций в России

Анатолий АКСАКОВ, депутат Госдумы РФ шестого созыва, заместитель председателя Комитета Госдумы по финансовому рынку, президент Ассоциации региональных банков России, член правления РСРП, член президиума партии «Справедливая Россия», к. э. н., доцент, научный руководитель факультета «Финансы и кредит» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации:

– Действительно, в Государственной думе, когда обсуждалась кандидатура Эльвиры Сахипзадовны Набиуллиной на пост председателя Центрального банка, можно сказать, ключевой темой было расширение рефинансирования организаций, но все это предлагалось в контексте стимулирования экономического роста. В том числе звучали предложения, что надо изменить закон о Центральном банке и прописать главную обязанность Центрального банка – экономический рост, уровень безработицы, примерно так, как это прописано для Федеральной резервной системы США.

И для этого сейчас появляются основания, поскольку мы видим торможение экономического роста, и те прогнозы, которые правительство озвучило, в том числе в Государственной думе осенью прошлого года, – 3,7-процентный рост ВВП, – они не сбываются, и уже начались корректировки. В лучшем случае рост будет 2,4 процента. И уже заговорили о возможной рецессии в августе этого года.

Соответственно, возникает вопрос: что делать для того, чтобы преодолеть это торможение, чтобы стимулировать экономический рост? Одно из предложений – делать это методами смягчения денежно-кредитной политики. То есть расширением рефинансирования кредитных организаций способствовать доступности финансовых услуг и тем самым запустить экономику.

В прошлом году кредиты, предоставленные юридическим лицам, так называемому нефинансовому сектору, увеличились на 12,7 процента. Это более чем в два раза меньше, чем за год до этого, в 2011 году. И одна из причин такого резкого торможения кредитования нефинансового сектора – это стоимость кредитов, потому что кредиты подорожали в прошлом году со стороны банков примерно на 2 процентных пункта. И с учетом рентабельности нашей экономики, которая тоже падает, многие юридические лица просто начали отказываться от кредитов. Надо отметить, что отказывались в основном крупные предприятия. Темп роста кредитов, предоставленных крупным компаниям, составил 11 процентов. Но до 12,7 процента дотянули с помощью малых и средних предприятий – там темп роста составил 17 процентов. Однако напомним, что в 2011 году этот темп был 26 процентов.

Первая причина макроэкономическая – уменьшился спрос на продукцию на внешних и внутренних рынках. Вторая причина – дороговизна ресурсов, которые предлагали банки.

Почему ресурсы дорогие? Этот вопрос волнует в том числе и правительство. Меня несколько раз уважаемые руководители Министерства финансов, руководители Центрального банка, да и Эльвира Набиуллина спрашивали: почему такой большой спред между уровнем процентных ставок? Центральный банк выдает деньги кредитным организациям в среднем под 6,5 процента – по операциям РЕПО, по иным операциям рефинансирования кредитных организаций. А банки предприятиям – не ниже чем под 12 процентов дают. Бывает, конечно, ниже, но это для суперзаемщиков, которым банки готовы дать деньги даже в минус себе.

Первое – стоимость привлечения все-таки дорогая. Потому что привлекаются деньги в том числе населения, которые стоят около 10 процентов. Маржа, как правило, 3 процента – значит, кредиты должны стоить не менее 13 процентов. На межбанке деньги выросли в полтора раза. В 2011 году они стоили 2–3 процента, сейчас стоят около 6 процентов – то есть близки к цене денег Центрального банка. Тоже дорого. Соответственно, это повлияло на увеличение процентов по кредиту.

Но есть еще факторы, которые у нас влияют на стоимость кредитов, а за рубежом не влияют совсем или оказывают маленькое влияние, – это доступ к рефинансированию. Я сказал о рефинансировании, о том, что в ЦБ занимают деньги под 6,5 процента. Но доступ к этим ресурсам имеет ограниченный круг банков.

К широкому рефинансированию со стороны ЦБ имеют доступ восемь банков – шесть государственных и квазигосударственных (например, Газпромбанк) и два частных – иностранный ЮниКредит банк и Альфа-банк.

Почему именно они? Есть требования по рейтингу, и есть требования по размеру

капитала. Эти восемь банков имеют капитал более 100 миллиардов рублей. Они могут прийти в Центральный банк в любое время и занять деньги, если вдруг возникнет какой-то кассовый разрыв.

При этом около 30 банков имеют точно такой же рейтинг, как эти восемь банков. То есть по показателям качества своей работы, устойчивости они не хуже, у них только капитал меньше. И поскольку наша тема – «как расширить рефинансирование», мое первое предложение – уменьшить или даже отменить требование по капиталу. Если банк устойчивый, если те же рейтинговые агентства присваивают ему такой же рейтинг, то почему ему должен быть отсечен доступ к рефинансированию?

Второе – это требование по рейтингу. У нас в документах ЦБ написано, что у банка должен быть международный рейтинг. Мы понимаем, что это рейтинг Moody's, S&P, Fitch. Но почему? По своему происхождению это американские агентства. Тогда надо сказать, что должен быть не международный рейтинг, а рейтинг американских агентств. Несправедливо.

У нас пару лет назад Министерство финансов аккредитовало свои, в том числе национальные, рейтинговые агентства. На наш взгляд, можно было бы допускать к деньгам ЦБ банки, в том числе имеющие рейтинг национальных агентств. Конечно, должен быть спрос с этих агентств. Они должны отвечать за рейтинги, которые присваивают.

При этом надо иметь в виду, что Минфин аккредитовал их только после того, как была разработана шкала перехода от рейтинга одного агентства к рейтингу другого агентства. Для чего эти шкалы нужны? Используются разные методологии. Они похожи, но все-таки разные, и поэтому получаются различные индикаторы. Поэтому, скажем, если рейтинговое агентство А присвоило рейтинг, например, С или В, то можно сказать, что рейтинговое агентство В присвоит такой-то рейтинг, потому что есть шкала корреляции между рейтингами этих агентств. Если ты пришел в рейтинговое агентство А, попросил присвоить рейтинг, он тебе не понравился, ты предложил им деньги – они отказываются, поскольку дорожат своим именем. Присваивают тебе справедливый, объективный рейтинг. Если нет шкал перехода, то можно пойти в другое агентство, там заплатить деньги, и тебе присвоят другой рейтинг. Раньше такое бывало. Поэтому сейчас существуют шкалы перехода, они научно обоснованы, в том числе наши российские ученые это делают, и теперь здесь химичить нельзя. Так вот, должна быть ответственность этих агентств, в том числе уголовная, за достоверность присваиваемых рейтингов.

Наши агентства берут меньше денег за присвоение рейтингов. Рейтинги – это дорогое удовольствие. Будет конкуренция – соответственно, стоимость присваиваемого рейтинга становится меньше. Это тоже благо – меньше будут задиравать стоимость соответствующих услуг. Больше станет банков, которые будут иметь доступ к этим средствам.

По оценкам наших экспертов, если даже на один процентный пункт сейчас снизить требования по рейтингам, то это никак не скажется на устойчивости системы. Это будут вполне нормальные, здоровые банки, которые работают корректно и законопослушно, соблюдают все нормативы. Если на 1 процентный пункт снизить требования, сразу около ста банков будут иметь доступ к рефинансированию и, соответственно, смогут активно участвовать в экономических процессах. Это второе предложение.

Но есть более фундаментальное. Мы с Эльвирой Сахипзадовой встречались и во фракции, и на пленарном заседании, и один на один общались, и я ей все эти предложения озвучил. Это предложение связано с секьюритизацией активов. У нас активов примерно на 30 триллионов рублей. В зарубежной практике и частично в нашей эти активы используются как обеспечение для привлечения средств, в том числе Центрального банка.

Очевидно, нам нужен этот процесс тоже запускать. Для этого должна быть законодательная база. Я думаю, что закон о секьюритизации будет принят, по крайней мере во втором чтении, уже в мае-июне. Мы рассчитываем в весеннюю сессию завершить этот процесс. Минфин тоже стоит на такой позиции, что надо быстрее закон принять. Он создаст возможности в рамках российской юрисдикции проводить секьюритизацию предоставленных кредитов.

Но этого недостаточно – иметь законодательную базу. Потому что секьюритизировать можно пулы кредитов, которые понятны и которые являются однородными по содержанию, да и по форме тоже. И поэтому очень важна большая работа, в том числе банковского сообщества, по стандартизации кредитов. Кредиты потребительские, кредиты малому и среднему бизнесу, ипотечные кредиты (по ипотеке АИЖК провело уже большую работу), синдицированные кредиты, кредиты проектного финансирования – такие стандарты мы должны разработать, и очень важно, с моей точки зрения, чтобы эти стандарты принимал Центральный банк. Может быть, даже акцентировал внимание и в каком-то документе, сказал, что вот эти стандарты нам понятны и мы готовы кредиты, выданные по таким стандартам, принимать в обеспечение при рефинансировании кредитных организаций.

Представьте себе – 30 триллионов активов. 22 триллиона рублей кредитов выдано под залог – то есть на 22 триллиона залогов у нас в банках. В принципе, если кредит обеспеченный, то он должен быть нормальный, и его можно было бы использовать в обеспечение, рефинансируя.

Конечно, должны применяться дисконты, в том числе в секьюритизируемых бумагах. Пусть даже с дисконтом 50 процентов будут залоговые кредиты рефинансироваться, использоваться в обеспечение – мы имеем 11–12 триллионов рублей, которые можно было бы использовать на активизацию кредитования.

Это основные моменты, которые, на мой взгляд, необходимо нам реализовывать для того, чтобы у банков появились соответствующие ресурсы для кредитования экономики.

Часто банкиры говорят: «Нам нужны длинные пассивы». Вспоминают пенсионные накопления, страховые резервы, безотзывные вклады, реально срочные вклады. Это, конечно, вариант. Кстати, как показала дискуссия у нас на последней конференции, Минфин готов к тому, чтобы банки имели доступ к пенсионным накоплениям. Но все-таки это небольшой ресурс. Он не является очень большим источником денег, которые банки смогут направлять на кредитование. Но он все-таки достаточно дорогой. Я думаю, что по пенсионным накоплениям там будет принципиальное решение – доходность должна быть не ниже уровня инфляции.

Одновременно принимается решение о страховании этих накоплений, что тоже очень важно и хорошо. Соответственно, государство смелее сможет средства молчунов передавать в кредитные организации. Но все-таки кардинально этот источник проблему ресурсной базы банков не решит. Кардинально это сделает возможность

рефинансирования. Это не означает, что банки должны пользоваться этим ресурсом Центрального банка. Центральный банк должен оставаться институтом последней инстанции кредитования. Банки должны идти в ЦБ тогда, когда у них возникает кассовый разрыв.

Мы посмотрели, как работают кредитные организации в других странах. Да, в США и в некоторых странах Европы есть пенсионные накопления, страховые резервы. Они могут использовать длинные источники фондирования. Но в большинстве стран работают с короткими пассивами. Они привлекают короткие деньги и выдают длинные кредиты. В чем их преимущество, в отличие от нас? Если у них возникает кассовый разрыв, они идут в Центральный банк и закрывают этот разрыв с помощью инструментов рефинансирования. Если мы эту систему наладим, то я уверен, что проблема дефицита ликвидности в значительной степени снизится. Конечно, и по длинным деньгам надо работать. Но все-таки рефинансирование – главный источник, который мог бы решить наши проблемы. Спасибо.

Вопросы к основному докладу

**Борис РАЙЗБЕРГ, ГУ «Институт макроэкономических исследований»,
профессор, главный научный сотрудник:**

– У меня сразу два вопроса. Из вашего доклада следует, что все неприятности российской экономики лежат в области финансового сектора. А если более узко, то банковского сектора, а если еще уже, то кредитования. Действительно ли вы считаете, что это именно то звено, потянув которое, можно вытянуть всю цепь? Это первый вопрос.

И смежный вопрос – вы рассматриваете проблему взаимодействия реального и финансового секторов. Обычно реальным сектором считался сектор материального производства. А если вы рассматриваете реальный сектор и отдельно – финансовый сектор, то где сфера услуг, в которой, по-моему, лежит колоссальное количество ресурсов неиспользуемых и еще больше ресурсов, которые создаются этой сферой. Я имею в виду образование, здравоохранение и даже физическую культуру и спорт.

Почему мы даже не рассматриваем реальный сектор и положение в нем и не рассматриваем сферу услуг, а финансовый сектор рассматриваем столь узко, как только систему кредитования? На первый взгляд, представляется, что вряд ли мы сможем решить проблему, сузив ее до такого рассмотрения.

Анатолий АКСАКОВ:

– Я говорил о кредитной сфере, о банках, поскольку тему обозначили как «рефинансирование кредитных организаций». Конечно, проблемы экономического роста, экономического развития должны решаться системно. И только инструментами кредитной политики эту проблему не решить. Более того, я понимаю, что как только мы несистемно решим смягчить финансовую политику, значительная часть средств уйдет на валютный рынок. И сейчас, даже в этих условиях, некоторые кредитные организации умудряются привлекать на операциях РЕПО деньги Центрального банка и затем через различные схемы зарабатывать, не направляя их в реальный сектор, в экономику.

Поймали одну организацию – они занимались обналичиванием. Обналичка оказалась дороже, чем стоимость операций РЕПО. Взяли деньги в Центральном банке под 6,5 процента, обналичили, заработали 10 процентов, получили 3,5 процента – и никакой работы. Поэтому абсолютно с вами согласен, что нужны системные меры. Нужны соответствующие меры бюджетной политики, налоговой политики. Я сторонник возвращения инвестиционных льгот, налоговых льгот по налогу на прибыль. Это легко администрируемая мера, тем более что такой опыт у налоговых органов уже был. Я знаю многие предприятия, которые, используя эту льготу, действительно модернизировали свое производство и стали конкурентоспособными в международном масштабе.

Бюджетная политика. Я считаю, что бюджетное право надо изменить. Я согласен с теми, кто говорит, что отчисления в Резервный фонд правительства должно быть 5 процентов, а не 7, как это сейчас установлено законом. Мер, которые можно было бы использовать для развития экономики, очень много. И кредитование – это только один из инструментов.

Что касается услуг – я считаю, что банки должны зарабатывать на услугах, и я знаю, что в международной практике кредитные организации 30 и более процентов своего заработка имеют не за счет кредитных, а за счет иных финансовых услуг. И конечно, это надо только приветствовать, и это у нас тоже происходит.

Василий ЗУБАКИН, д. э. н., профессор кафедры «Математические методы в экономике» РЭУ им. Г.В. Плеханова:

У меня несколько вопросов к уважаемому докладчику. Первый вопрос. Наши энергетические монополии и транспортные – РЖД, Федеральная сетевая компания, другие государственные компании – время от времени при обсуждении источников инвестиционной программы поднимают флаг так называемых «инфраструктурных облигаций». Хотелось бы знать ваше мнение как ученого, а с другой стороны – как политика и законодателя: во-первых, что это такое, имеет ли это место быть в реальности или это просто лозунг, выдвигаемый каждый год как обоснование необходимости получения денег в тарифе? Какие перспективы у данного инструмента рефинансирования и вообще финансирования реального сектора?

Анатолий АКСАКОВ:

– Инфраструктурные облигации не узаконены. То есть они нигде не прописаны. Я выскажу свое мнение. К примеру, есть какой-то инфраструктурный проект – строительство дороги, железной дороги, объекта инфраструктуры. И под этот проект выпускаются облигации, привлекаются средства – фактически это проектное финансирование. Затем, в ходе реализации проекта, рассчитываются перед владельцами по этим облигациям.

Я считаю, что это вполне жизнеспособная вещь. Ее реализация притормозилась из-за кризиса, поскольку это инструмент с длительным сроком погашения и многие опасаются вкладываться в него. Мне казалось, что если бы мы выпустили облигации РЖД под модернизацию железной дороги с запада на восток, модернизацию Транссиба, Байкало-Амурской магистрали, чтобы сделать более высокую пропускную способность этой транспортной магистрали из Европы к Корею, Японии, Китаю, то это должно было бы многих заинтересовать и дать определенную соответствующую

доходность. И это все окупилось бы. Можно было бы значительно сократить транспортное плечо, ну и интерес бы возрос и со стороны европейцев, и со стороны азиатов. На мой взгляд, это было бы интересно.

Василий ЗУБАКИН:

– А в чем отличие по экономической и финансовой сути корпоративных облигаций РЖД и инфраструктурных облигаций РЖД, например по Транссибу? В чем разница?

Анатолий АКСАКОВ:

– В моем понимании, корпоративные облигации выпускаются под существующий бизнес, под функционирующий бизнес, под ту текущую доходность, которая есть в компании, прибыльность и так далее. И глядя на этот баланс, компания-инвестор уже принимает решение, стоит приобретать такие облигации или не стоит. И очевидно, что эти средства идут в большей степени на текущую жизнедеятельность компаний.

Инфраструктурные – это облигации, выпущенные под проект, скажем, строительства скоростной магистрали с Запада на Восток или с Востока на Запад. И рассчитываться будут по этим инфраструктурным облигациям с инвесторами по мере реализации этого проекта. Это мое понимание.

Сергей КРУПИН, заместитель генерального директора по экономике, НПО «Мир»:

У меня два вопроса. Во-первых, констатация. Вы сказали: на два пункта. Возьмем Сбербанк, например, наша компания с ним активно работает, потому что реально он имеет доступ к тем ресурсам, о которых вы говорили, – он дешевый. Мы кредитовались под 8,2 процента. Сейчас под 11,5, то есть там далеко не на два пункта подняли. Это не официальная, а реальная статистика. Да, у всех 12, а мы полпроцента у них сбили – под 11,5 процента у них реально сейчас кредит получить. Но, видимо, в результате того что эти восемь банков – монополисты, требования резко ужесточились. Процесс перекредитования у меня идет уже полгода. Трехлетняя кредитная линия у нас сейчас заканчивается. Я даже в Альфа-банк сейчас прихожу – они говорят: «Для тебя 12,5–13 процентов». То есть мне неинтересно, мне хочется дешевле. Даже у них, у Альфы, не те ресурсы, что у Сбербанка. Так вот, чтобы вместо восьми банков стало 30 – когда это будет? Вы сказали, что Набиуллиной представили предложения. Но когда это реально будет действовать? Через какое время у нас появится конкуренция, кроме этих двух коммерческих и шести государственных банков? Это первый вопрос.

Второй вопрос. Кроме всего прочего, по ощущениям, поработав с банковской сферой и с нефтяной, – мы активно работаем с их инвестпрограммами, – у нас такое ощущение, что в этом году, да и в прошлом, инвестпрограммы, по крайней мере, в наших направлениях, уменьшаются. Какова ваша оценка – будет финансовый кризис нашей банковской системы в этом году? По нашим ощущениям, он будет, и мой прогноз – в ноябре. Он, может, будет не такой глубокий, но возникнут проблемы с кредитованием – банки, как всегда, перестанут кредитовать под разными предлогами, еще раз подрастет процентная ставка, уже не до 12, а, по моим ощущениям, – до 14.

Итак, два вопроса – когда конкуренция повысится и будут ли, по вашим прогнозам, в нашей банковской системе – я не говорю про мировую – проблемы с рефинансированием и кредитованием реального сектора в конце этого года?

Анатолий АКСАКОВ:

– Что касается расширения доступа кредитных организаций к рефинансированию, то действительно, это повысит конкуренцию. Соответственно, конкуренция будет способствовать и повышению качества услуг и снижению стоимости этих услуг. Решение принимает совет директоров Центрального банка. Я, к сожалению, в совет директоров ЦБ не вхожу. Но позиция, которую я здесь озвучил, озвучена Эльвире Сахипзадовне. Я ей передал это все в виде подготовленного документа. Точно такая же позиция передана Алексею Владимировичу Моисееву, это замминистра финансов. Он активный участник формирования денежной политики.

Я могу только сказать, на что я рассчитываю. Думаю, что нынешний совет директоров вряд ли примет это решение. И я с пониманием отношусь к этому, поскольку сейчас приходит новый руководитель и, очевидно, сейчас принимать такие серьезные решения даже неправильно. Но я рассчитываю, что к осени, когда начнет работать новый председатель, все-таки соответствующее решение будет. Для этого готовили соответствующие документы и пытались убедить. И мне показалось, что Набиуллина, выступая в Госдуме, говорила об этом: что нам нужно расширять инструментарий. Может, она как раз это имела в виду.

Второй вопрос по поводу кризиса. Если даже кризис будет в реальном секторе, то в финансовом секторе его все равно не будет. Если под кризисом понимать бегство вкладчиков, массовое банкротство кредитных организаций – этого не будет. Поскольку есть широкий инструментарий, уже используемый Центральным банком, – это беззалоговые кредиты, которые, как мы помним, выдавались, это гарантирование Центральным банком при решении межбанковских операций. Все это позволит финансовую систему держать в стабильном состоянии в любом случае, я уверен в этом.

Что касается удорожания кредитов – вполне возможно, что всплеск будет. Но вспомним 2010 год, когда банки начали гоняться за клиентами. Банки будут гоняться за клиентами и снижать проценты по кредитам, потому что хороших заемщиков, тех, кто в кризисных условиях продолжает функционировать, будет мало. И там будет конкуренция за заемщика.

Сергей КОВАН, к. э. н., с. н. с., доцент, профессор кафедры «Стратегический и антикризисный менеджмент» Финансового университета при Правительстве РФ:

– Мне хочется задать вам вопрос как специалисту банковского сектора и как политику. В настоящее время реальный сектор нашей экономики характеризуется одной неприятной особенностью: у большинства предприятий – я ссылаюсь на официальные данные, которые публикует Госкомстат, – отсутствуют собственные оборотные средства. И весь производственный процесс ведется в зависимости от того, будет кредитование или не будет. Эта ситуация сложилась не так давно – где-то с 2000–2001 года, и постепенно все скатилось к тому, что тот показатель, который там рассчитывается, стал отрицательным. И так сейчас стабилизировалось. Такая глубокая зависимость от банковского кредитования приводит к тому, что финансовая устойчивость реального сектора экономики недостаточна и очень подвержена воздействию различных финансовых кризисов, колебаний и так далее. Как вы оцениваете это как специалист? И как политик – как вы смотрите на то, что такая ситуация у нас сейчас есть и нужно ли это менять?

Анатолий АКСАКОВ:

– Я думаю, что такая зависимость оборотки от банковских кредитов – это нормальное явление. Бывает отсрочка платежа, платеж по поставке и так далее. И, по-моему, нормально во всем мире, когда вот этот временный недостаток средств погашается за счет привлеченных кредитов. Но другая проблема – что эти кредиты невозможно привлечь и они слишком дорогие. Поэтому мы и говорим, что надо расширить конкуренцию. Должна быть конкуренция не среди заемщиков, а конкуренция банков, конкуренция денег за заемщика, который возьмет деньги. И тогда ресурсы будут. А для этого не должно быть дефицита ликвидности. Мы в прошлом году дефицит ликвидности получили в том числе из-за действий Минфина. Он занял на внутреннем рынке полтора триллиона рублей при профицитном бюджете. Но сейчас убедили Моисеева, что не надо занимать на рынке. Абсурдно – у вас есть деньги, чтобы профинансировать бюджетное назначение статьи, и вы занимаете на внутреннем рынке. Полтора триллиона заняли, потом их, правда, разместили как временно свободные бюджетные средства в банках, но уже под высокие проценты. Взяли дешевые деньги, Разместили их дорого. Создали дефицит ликвидности. Часть денег ушла в резервный фонд, на зарубежный рынок. Я надеюсь, что в этом году таких операций не будет, да и в этом году это тяжело – скорее всего, будет дефицитный бюджет.

Но надо сделать, чтобы не было дефицита ликвидности. Чтобы не было дефицита, должен быть доступ к рефинансированию. Возникли проблемы – пришел, занял деньги. Но при этом, конечно, ЦБ должен жестко следить за качеством работы банков, чтобы они не увлекались. Тоже есть такая проблема. Должны быть системные меры. В том числе концентрация крупных кредитных рисков, когда банк кредитует свой бизнес. Когда один банк концентрируется на бизнесе собственника – это риск большой. Очень много мер нужно одновременно реализовывать.

Валерий АЛФЕРОВ, к. э. н., доцент кафедры «Стратегический и антикризисный менеджмент» Финансового университета при Правительстве РФ:

– Вы говорили про рефинансирование в рублях. А рефинансирование, которое идет из-за рубежа? То, что мы занимаем, в том числе и реально, в банках за рубежом – как это может повлиять на ситуацию? Мы в принципе видим, что рецессия, как Владимир Владимирович говорил, кризис начался не у нас. Как бы не начался у нас этот кризис сейчас, исходя из того состояния, которое складывается в Европе, в том числе и в Америке. Какая здесь чувствуется зависимость? Может ли сложиться так, что в ближайшее время мы получим кризис под влиянием ситуации в Европе?

Анатолий АКСАКОВ:

– Меня беспокоит, что внешнее заимствование России увеличивается. Не государственное, а наши компании очень активно занимают за рубежом, несмотря на то, что это довольно дорогие деньги сейчас – намного дороже, чем было до кризиса. Хеджирование сейчас стоит 6 процентов валютных кредитов. Под 6 процентов заняли, захеджировали валютный риск, получают те же самые 12 процентов, которые у нас можно получить в Сбербанке. Возникает вопрос – зачем? К сожалению, у нас в прошлом году на 100 млрд долларов увеличилась внешняя задолженность. Наши

международные резервы, если вспоминать начало прошлого кризиса в 2008 году, были сопоставимы с нашим внешним долгом в том же году. Сейчас международные резервы 520 с чем-то млрд долларов. Это уже риск, который говорит об определенном разрыве.

Второе. Я полагаю, что если они занимают за рубежом, то они, скорее всего, не хеджируют валютные риски. Потому что смысла особого нет, если можно занять на внутреннем рынке по такой же цене и даже дешевле. И в случае развертывания кризиса могут быть серьезные проблемы. А если это стратегические предприятия – естественно, возникает вопрос о том, что государство должно помогать, за счет чего, и так далее. Вот эту проблему я вижу, и мне кажется, что здесь Центральный банк или правительство должны как-то умерять аппетиты заимствования за рубежом.

Стоимость хеджирования у нас высокая, в том числе из-за несовершенного законодательства. У нас деривативное законодательство крайне слабое, и оно, к сожалению, не всегда соблюдается. Был случай с ЮниКредитом, который захеджировал риски одной организации в рамках генерального соглашения между контрагентами. И контрагент увидел, что ситуация на рынке меняется не в его пользу и он должен доплачивать премию. Он понял, что сейчас ему лучше не исполнять это соглашение, и с учетом нашего юридического оформления, законодательства у него это прошло. Высший арбитражный суд встал на сторону не банка, а контрагента, который с ним заключил соглашение. За рубежом такое невозможно.

Кстати, наш Центральный банк имел генеральное соглашение с Leman Brothers, печально известным американским банком. И у него было очень много операций, в том числе своих. Но когда LB обанкротился, то в соответствии с законодательством, действующим в Америке, все встречные потоки зачислились, и осталось только сальдо – кто кому должен. И оказалось, что Центральный банк еще должен был немного доплатить конкурсную массу тем, кто управлял Leman после банкротства. А у нас получается, что обанкротился кто-то, ему все поступает, а с него ничего уже взять невозможно, пока не разберутся с конкурсной массой. И в этом риск.

Валерий ДЗГОЕВ, главный редактор журналов «Бюджет» и «Бюджетный учет»:

– Вы сослались на слабое законодательство. Но куда еще кивать, ведь вы являетесь аксакалом финансового рынка. Вы много лет депутат. А кто, как не вы, должен эти законы принимать. Как с этим ситуация?

Анатолий АКСАКОВ:

– Принимаю критику. Работаем. Но вот, например, есть такой закон о потребительском кредите. Во время кризиса жизнь показала, что надо быстрее принимать этот закон – там масса споров между гражданами, суды принимали разные решения. Иногда в пользу банков, иногда в пользу граждан, причем взаимоисключающие решения. Этот закон все проблемы мог бы разрешить. Вот он пять или семь лет не принимался. Хочу вас проинформировать – неделю назад комитет поддержал мой законопроект о потребительском кредитовании. Я так понимаю, что и правительство его поддерживает. К сожалению, некоторые решения долго созревают. По тем же деривативам, судебная защита сделок с деривативами – лет семь боролись, пока закон был принят. Такая практика.

Всеволод ПОКАТАЙКИН, заместитель начальника Департамента инвестиций и сводного планирования ОАО «ФСК ЕЭС»:

– Вы озвучили такую цифру в кредитовании – 30 триллионов рублей.

Анатолий АКСАКОВ:

– Это активы.

Всеволод ПОКАТАЙКИН:

– Почти половина ВВП и в три раза больше, чем бюджет страны на 2013 год. По вашему мнению, есть какое-то ограничение этой суммы, должно ли оно быть и какое ваше представление?

Анатолий АКСАКОВ:

– Обычно считают мощность банковской системы, относя кредиты к ВВП. ВВП у нас сейчас 70 – значит, где-то 45 процентов. Активов еще больше, их там 75 процентов. Это очень мало. У нас хуже показатели, чем в Польше, Чехии, не говоря уже о Германии, Китае – у них там 150–200 процентов ВВП. То есть мы еще далеки от того уровня, который есть там.

Всеволод ПОКАТАЙКИН:

– В условиях кризиса нормально ли увеличивать кредитование?

Анатолий АКСАКОВ:

– Для банков кредит – это хлеб. Если он не дает кредит, значит, он не отработывает привлеченные деньги. А за привлеченные надо рассчитываться, например платить проценты по вкладам. Поэтому они должны принимать решение. Банк с удовольствием даст кредит, если он будет уверен, что деньги вернутся. Заставлять банки кредитовать – тоже абсолютно неверно. Надо создать условия, чтобы они могли снизить проценты. И конкуренция должна быть. С одной стороны – конкуренция, а с другой стороны – доступ к источникам пополнения ресурсов. А дальше банк сам будет принимать решение, давать или не давать.

В 90-е годы я работал в банке. Тогда не было никакого обеспечения. Приходил человек с красивым бизнес-планом, но я смотрел ему в глаза и не давал кредит. А кто-то на листочке рисовал, но видно было по глазам, что вернет. И у меня невозвратов не было.

Дискуссия

Аркадий ТРАЧУК, д. э. н., профессор кафедры «Стратегический и антикризисный менеджмент» Финансового университета при Правительстве РФ, генеральный директор ФГУП «Гознак», главный редактор журнала «Эффективное антикризисное управление»:

– По нашей традиции принято немного критиковать. Но я не столько даже критиковать буду, сколько хочу затронуть другой аспект. Сегодня Борис Абрамович Райзберг, выступая, затронул принципиальный аспект нашей дискуссии – реальный сектор. Есть старая поговорка: «Я занимаюсь политикой, потому что, если я не буду заниматься политикой, политика рано или поздно займется мной». В данном случае мы на семинарах всегда избегали говорить про макроэкономику и старались концентрироваться на проблемах конкретного предприятия. Сейчас другого варианта нет, и уже реальному сектору нужно формулировать свое отношение к ситуации макроэкономической, ситуации на финансовом рынке в более явной форме, потому что сегодня это становится одним из самых мощных сдерживающих факторов. И в этом контексте я имею в виду не только банковский сектор. Может быть, он-то как раз и наиболее готов к тому, чтобы работать объективно и содержательно с реальным сектором.

Если посмотреть публикации, которые сегодня идут, и выступления представителей правительства и представителей экспертного сообщества, то сегодня уже стали общими словами такие слова, как «торможение», «пауза», «стагнация», а уж кто посмелее и пожестче – «рецессия». Этих слов сейчас очень много. Но на самом деле причины, с одной стороны, очевидны, с другой стороны, сложны. Очевидны в том плане, что закончились драйверы роста, которые толкали нашу экономику последнее десятилетие, – это и дозагрузка еще советских мощностей, и активизация спроса на внешних рынках, рост цен на энергоносители и сырьевые товары. Все эти факторы подошли к своему пределу. И сегодня мы имеем ситуацию, когда без модернизации тех же самых производственных мощностей, без расширения, без возникновения новых продуктов и нового производства и существенной модернизации всего реального сектора нам не удастся добиться тех целевых показателей роста, о которых достаточно много говорят. Говорят много, но фактически происходит то, что на днях, буквально,

сообщило Минэкономразвития: никаких 3,6 процента в этом году не будет, а будет 2,4. И то неуверенно как-то сказали.

Теперь, собственно, то, о чем говорил Анатолий Геннадьевич. Сегодня, ради интереса, я решил посмотреть, что будет, если просто взять и «с улицы» посмотреть, что предлагает, допустим, Сбербанк заемщику. У них есть на сайте красивый и удобный калькулятор для малого бизнеса. Вставил туда данные по предприятию с оборотом порядка 150 миллионов рублей годовых. Получил процентную ставку – 23 процента. «Порадовался». Попробовал себе представить, в каком таком проекте это может сработать. Я, конечно, понимаю, что все это фасад. Там длинная работа, и много чего нужно сделать, и на самом деле ставка может быть несколько другой. Но тем не менее даже сам по себе этот стартовый сигнал, он, конечно, не показывает готовность крупнейшего и самого обеспеченного ресурсами банка страны к работе с такого рода небольшими предприятиями.

И в этой связи совершенно очевидно, что у нас сегодня сложилась дилемма: с одной стороны, у экономики есть совершенно явный запрос на модернизацию, он просто необходим, с другой стороны, есть ограничение в доступных ресурсах. И здесь все те меры, о которых говорил Анатолий Геннадьевич, по расширению доступа к рефинансированию, по ограничению маневра, условно, заимствования на внутреннем рынке Минфином – они абсолютно логичны, потому что в противном случае отсутствие свободных средств у коммерческих банков превращается в депозитную гонку. И на сегодняшний день 12 процентов – это абсолютно нормальная процентная ставка, на которой можно разместиться, причем в весьма надежном банке. То есть если заимствование осуществляется под ставку в 12 процентов в надежном банке, то минимум 15 процентов – это то лучшее, что можно при таких ресурсах получить. А с учетом тех рисков, которые банк будет учитывать, обстоятельств, в результате это все может получиться значительно дороже – те же самые 23 процента мы и получим.

В связи с этим, подводя итог своему краткому выступлению, я могу сказать, что те меры, которые обозначил Анатолий Геннадьевич, нужны, но они, очевидно, недостаточны, если мы хотим сделать ситуацию более комфортной для модернизации российской экономики. И в этой связи, безусловно, мне бы хотелось, чтобы эта дискуссия продолжилась. Может быть, мы подумаем, чтобы на следующем семинаре поговорить именно о комплексе мер, которые не только бы расширили рефинансирование этих крупнейших банков – к восьми добавим 30, потом еще, может, кого-то добавят. А пообсуждать в принципе, какого рода шаги можно предпринять.

Предложение государства на рынке, условно, находящееся на том уровне, на котором сегодня происходит рефинансирование этих банков, то есть на уровне 6–8 процентов, было бы больше и тем самым снижало бы общую планку стоимости ресурсов с точки зрения привлечения их финансовыми институтами. Оно увеличило бы предложение долгосрочных денег – понимаю, что в нашей стране это больше лозунги – привлечение пенсионных денег и так далее, ведь их там не так много, больше о них говорят, чем они там есть на самом деле.

Но вовлечение в том числе этих долгосрочных денег и предложение их на рынке могли бы суммарно повысить ту базовую депозитную планку, и если она сложится на уровне, слегка превышающем инфляцию – а в нынешних условиях это 7–8 процентов, – то даже это могло бы уже заметно понизить кредитные ставки для реального сектора.

Вот и всё, что я хотел сказать. А в целом хотел бы поблагодарить докладчика за интересное выступление. Спасибо.

Борис РАЙЗБЕРГ, профессор, главный научный сотрудник ГУ «Институт макроэкономических исследований»:

– Я постараюсь интерпретировать сказанное в ином свете – в свете уважения к макроэкономике и к экономическим законам. Те меры, которые были предложены, несомненно, весьма продуктивны и интересны. Но это то, что называется примочкой. Примочки не излечивают болезнь. Более того, они могут приводить к ее обострению во многих ситуациях.

На форуме экономистов первое, о чем нужно вспомнить, когда мы предлагаем какие-то действия в финансовой системе, – это закон денежного обращения. Мы не имеем никакого права увеличивать денежную массу в широком смысле слова. Я имею в виду не только собственно деньги, но и ценные бумаги, и деривативы – все, что надувает мыльный пузырь выше некоторого предела, который определяется соотношением между стоимостью, создаваемой в материальном производстве и сфере услуг, и вот этой массой, которую мы все стремимся увеличить якобы для того, чтобы наша экономика развивалась глубже, быстрее и увереннее. Поэтому надо поставить верхний предел. И до тех пор, пока мы в области материального производства, сферы услуг не начнем создавать нужную нам стоимость в определенном объеме, – до тех пор просто запрещать, ограничивать любую форму предоставления средств.

Кредиты еще более опасны, потому что они в значительной мере невозвратны. Потому что в значительной мере кредиты идут на потребительское, ипотечное кредитование, где невозвратность исключительно высока, и ничего с этим нельзя сделать, из квартиры не выселишь. Поэтому здесь надо быть предельно осторожными и понимать, что имеется определенного рода предел. Если, опять-таки, государство желает поспособствовать тому, чтобы финансовые ресурсы использовались плодотворно, у него для этого есть свои рычаги. Например, для меня как для вкладчика самое важное, какова гарантия возврата денег, которые я готов положить на депозит. В Соединенных Штатах мне в банке твердо сказали, что до 100 тысяч долларов гарантируют возврат. В нашем банке сумма гораздо меньшая, и я сам понимаю, что надо быть довольным, если и это вернут.

Еще одна сторона вопроса, который сегодня рассматривается. Докладчик об этом упомянул. Это бюджетная система. Центральный банк теоретически независим – но будем откровенны: центральные банки государства находятся в значительной мере в одной спайке. Тем более в нашей системе, где очень существенно преобладает ручное управление и кредитами, и финансовыми ресурсами, многое решается не центральными банками.

Если Эльвира Набиуллина стала руководителем нашего Центрального банка, то, возможно, в первую очередь потому, что мы все-таки хотим, чтобы преобладал не только финансовый, но и экономический подход. А экономический подход, думаю, заключается, прежде всего, в том, что надо бюджетный процесс в стране соединить с программным процессом. Экономика должна развиваться по программам. Самое удивительное, и я уже, кажется, вторично говорю на этом семинаре, – в 2000 году за подписью Путина было принято постановление правительства о повышении эффективности бюджетной системы, в котором говорится, что самый главный путь – это

переход к программно-целевому бюджетированию. Не бюджетированию по заявкам, не бюджетированию по инерции, как было в прошлом году и как спрашивают у нас, а реальное, принятое, утвержденное.

Я думаю, что целевые программы должны утверждаться Государственной думой. И они должны быть инструментом, который соединяет бюджет и экономическую стратегию государства на длительный период. Но правительство утвердило перечень из 41 программы, и до сих пор половина программ не действует, – я говорю о государственных программах Российской Федерации. На это спокойно смотрит Дума, на это спокойно смотрит Совет Федерации. Единственный реальный инструмент стратегического планирования, который имеется в нашей стране, – это не концепция до 2020 года, которая не представляет собой реальный документ. Это могли бы быть реальные государственные программы, которые просчитывают потребные ресурсы, в том числе и финансовые. Этот механизм не работает.

В итоге бюджет разделяется и дальше. Когда он идет вниз, мы знаем, каким образом, как и каковы потери. Я считаю, что мы должны, в первую очередь, обратить внимание на переход к бюджетированию, соединенному с государственными программами, которые должны быть приняты всеми федеральными органами государственной власти. Без наличия таких программ надо просто не предоставлять им средства. Я понимаю, что это сейчас звучит как лозунг. Это требует определенного рода механизма, требует определенного рода решений. Это требует к тому же еще, видимо, принятия закона о стратегическом планировании – у нас с 95-го года действует хилый закон, который давно уже изжил себя в прогнозировании и программах развития. Закон о стратегическом планировании убогий, и я не знаю, как могла Дума такой проект продвигать. Он как работник Госплана – рыхлый, неконкретный, нечеткий закон.

Мы не можем решить финансовые проблемы, не соединив бюджетирование, стратегическое планирование и некоторые меры действительно банковского регулирования. Если это не будет сделано, я думаю, что все попытки навести порядок будут бесплодными. Извините за некую резкость. Но просто смотреть равнодушно на то, как мы находимся в иллюзиях решения проблем совершенно неконструктивными способами, обидно.

Анатолий АКСАКОВ, депутат Государственной думы Российской Федерации, заместитель председателя Комитета Госдумы по финансовому рынку, президент Ассоциации региональных банков России, член правления РСШ, к. э. н., доцент, научный руководитель факультета «Финансы и кредит» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации:

– Насчет программно-целевого подхода и, соответственно, формирования бюджета – с этим полностью согласен. Недавно была коллегия Минфина, и Антон Силуанов об этом говорил. Я думаю, что это звучало у него как ключевое слово – программно-целевой подход в составлении бюджета. Я надеюсь, что так и будет и ваши слова реализуются в действиях Министерства финансов и правительства.

Что касается денежной политики – я считаю, что не нужно заставлять банки кредитовать. Есть спрос на деньги? Они должны ориентироваться на спрос.

Денежная масса у нас уменьшается, потому что спроса на деньги нет. Банки и не будут насыщать денежной массой экономику, если некому будет давать кредит. Я не считаю,

что надо насильно заставлять банки давать кредиты. Банк не пойдет в Центральный банк занимать деньги, рефинансироваться, если некуда будет размещать эти средства.

Василий ЗУБАКИН,
д. э. н., профессор кафедры «Математические методы в экономике»
РЭУ им. Г. В. Плеханова:

– Уважаемые коллеги, на этом семинаре мы с вами сделали достаточно лихой вираж от электроэнергетической, технологической тематики последних семинаров и вышли в «чистые финансы», хотя мы здесь с вами сегодня постоянно говорили о проблемах нашего реального сектора.

В выступлении нашего уважаемого докладчика порадовало то, что Государственная дума, наш законодатель, работает над новыми финансовыми инструментами. Дело в том, что в перечне наших инструментов финансового рынка на сегодняшний день, после гибели фондового рынка, который благополучно в последние дни стагнирует, остались только «чулок» и депозит. И в этом смысле, чтобы выйти из дилеммы «чулка депозита», все те новшества, касающиеся и секьюритизации ипотечных обязательств, и законодательного оформления деривативов, и инфраструктурных облигаций – все это можно оценивать как вещи высокопозитивные.

Однако мне кажется, что пройдет некоторое время, и мы будем вспоминать сегодняшний момент, 16 апреля 2013 года, наш 12-й семинар так, как в этом году очень популярно вспоминать 1913 год. То есть последний предвоенный, предреволюционный, в котором экономика развивалась, финансы были устойчивые, Россия была одним из самых интересных мировых заемщиков и как потом все быстро рухнуло.

Посмотрите, что происходило в последние дни. Упало золото; посыпалась цена на алюминий; вы знаете, с какими результатами закончил год «Газпром». Сегодняшнее – буквально сегодняшнее – падение нефти, мгновенная реакция – рост курса доллара и евро. И я доложу вам сразу о той реакции, которая будет в ближайшее время у нефтяных компаний, – нефтяные компании знают, что налоговый пресс не ослабнет, и просто сократят производство нефтепродуктов и экспорт нефтепродуктов, поскольку это становится невыгодным. Выгодным остается только производство нефтепродуктов и поставка здесь, в России. Если сокращается вывоз нефтепродуктов из России, соответственно, сокращаются налоговые поступления – не только от внешней торговли, но и налоговые поступления от переработки. Сокращаются валютные поступления, и соответственно дальше. Я согласен с оценкой коллеги из компании «Мир» в том, что кризис будет осенью, и не согласен с уважаемым докладчиком в том, что кризис реального сектора не коснется сектора финансового. Опыт 1998 года, опыт 2008 года показывает: то ли избушка загорится со стороны финансового сектора, но сгорит и реальный, то ли загорится со стороны реального, но точно не останется целым финансовый. И надо сказать, что все те отрасли, по которым сейчас падают цены, падает спрос, – причиной ли тому рецессия в Китае или сланцевый газ – неважно, какая причина. Но сокращение налоговых и валютных поступлений в Россию, сокращение соответствующих инвестиций (которые, как мы все после Кипра поняли, большей частью есть не инвестиции каких-то неведомых иностранных инвесторов, а это просто аккуратно вывезенные и назад завезенные наши же российские деньги и ставшие зарубежными инвестициями) – все это, на мой взгляд, раскачает, толкнет, сдвинет, сломает финансовый сектор.

К сожалению, наш российский предприниматель к этим коллизиям финансового сектора не готов. В 2008 году мне пришлось столкнуться с тем, что подавляющее большинство поставщиков в энергетику импортного оборудования имели контракты на покупку оборудования, номинированные в валюте, и имели контракты на поставку оборудования в России, номинированные в рублях. И никто не хеджировался ни по валютной ставке, ни по кредитной ставке. Чем это закончилось? Это закончилось массовым банкротством этих самых поставщиков. Но «к счастью» – в кавычках – в это время еще и посыпались инвестиционные программы, поэтому встречно шли неплатежи от наших крупнейших компаний и непоставки от подрядчиков, поставщиков импортного оборудования. На сегодняшний день ситуация не изменилась. Я выборочно в последние дни общался с поставщиками и каждый раз видел пустые голубые глаза, когда задавал вопрос – а как ты, братец, хеджируешься по валюте и по ставке?

Таким образом, кризис 2008 года все забыли, хотя еще пяти лет не прошло. Это ужасно, и что в такой ситуации делать? Я с уважением отношусь к Борису Абрамовичу, который каждый семинар линию свою тянет, и эта линия переживет, может быть, и наш семинар. Но у нас были серьезные крупные программы, все сидящие здесь могут их назвать: Сочинская, саммит, сейчас вот футбольная начинается и так далее. Что дальше с ними происходит? Программно-целевой принцип, принцип стратегического программного управления – он хорош, пока не попадает на нашу российскую почву с ее «традициями делового оборота».

Что радует – наш уважаемый законодатель, приняв закон о госзакупках, вставил там такую вещь, которую на самом деле очень многие не заметили. А эта штука называется «банковский контроль». И первая ласточка пилотная, например, те 50 миллиардов, которые выделены из бюджета для Дальневосточной генерирующей компании для Русгидро на строительство на Дальнем Востоке, полностью пойдет и через заказчика, и через ЕРС-подрядчика, генподрядчика, субподрядчика, субсубподрядчика, поставщиков – вся пойдет через Сбербанк. В рамках этого банковского контроля появляется некоторая возможность не растерять деньги по дороге.

Насколько эта практика станет массовой и насколько у нас Сбербанк вернется к той функции, которую, наверно, в советское время выполняли отраслевые банки, такие, как Промстройбанк СССР, я не знаю. Но будет здорово, если эта форма сработает. Последнее, о чем хотелось бы сказать. На всех электроэнергетических семинарах последнего времени мы с вами говорили все время об одном и том же – как изменения в технологиях порождают изменения в бизнесе и какие возможности открываются для энергетического бизнеса. Сегодня это не было целью нашего семинара, но хотелось бы в ближайшее время поставить семинар – может быть, не июньский, может быть, осенний, – посвященный современным технологиям. Что я здесь имею в виду: у каждого из вас в руках есть мобильный телефон. Так вот, представьте – современные возможности наших мобильных – а это уже не телефоны, а компьютеры, – позволяли бы нам даже здесь и сейчас, прямо в этом зале торговать деньгами, причем не виртуальными. И я мог бы занять у вас под какой-то процент те деньги, которые сейчас у вас лишние. Это кажется фантастикой. Но виртуальные электростанции, о которых мы с вами говорили полтора месяца назад, тоже несколько лет назад казались дикой фантастикой. А сейчас это совершенно реальный бизнес, который дает повышение энергоэффективности, снижение удельных расходов. А электронные

деньги, электронный банкинг и масса других технологических вещей? Повторяю: не надстраивание деривативов над деривативами, не уход в какую-то виртуальность, а некоторые технологические вещи, которые позволяют действительно вытащить «из чулка» те деньги, которые там скоплены в количестве многих триллионов, вытащить из пассивного депозитного существования и дать их представителям реального сектора. Только в том случае, если мы технологическую, обеспеченную соответствующим правовым полем – дабы не наступить на новые грабли, уже высокотехнологические, – проблему в ближайшее время рассмотрим, то, я думаю, мы приблизимся к пониманию того, куда идет наша финансовая система и куда она ведет реальный сектор нашей экономики. Спасибо.

Анатолий АКСАКОВ:

– Я хотел бы поблагодарить всех за вопросы, которые прозвучали. Это очень интересно – появляется обратная связь. Надо быть оптимистом. Конечно, не надо говорить, что Россия – это тихая гавань. Но я думаю, что в 2008 году наш Центральный банк был слабее подготовлен к кризису, не очень понимал, что надо делать. Сейчас он научился очень многому. Тогда у него не было тех инструментов, которые уже отработаны, а сейчас есть понимание, как действовать, если вдруг ситуация пойдет по негативному сценарию.

Конечно, реальный сектор определяет ситуацию финансового сектора. Если реальному сектору плохо, то не может хорошо жить финансовый. Но я хотел бы вас уверить, что понимаю все проблемы и за финансовый сектор отвечаю. Будет тяжело, но он выдержит.

Подписано в печать 16.03.2013

Тираж 300 экз.
Заказ № 2406

Дизайн и допечатная подготовка –
ООО «Издательский дом „Реальная экономика”»

192020, Санкт-Петербург,
Старо-Петергофский пр., 43–45, лит. Б, пом. 4Н
Тел. 346-50-15, 346-50-16
Факс 325-20-99

Отпечатано
в типографии «Моби Дик»:
Санкт-Петербург, ул. Достоевского, 44